

Верховный император — титул почётный, но власти над правящим монархом он не даёт. Сяо Лань приказал мне петь, и я не мог послушаться.

— Сяо Лань, позор, что ты мне сегодня причинил, я верну тебе сторицей.

Когда песня смолкла, пиршественный зал взорвался аплодисментами. Для моего слуха они прозвучали похоронным барабаном.

Дыхание сбивалось, я кашлянул кровью — лишь тогда Сяо Лань отпустил меня. Служанки подхватили и усадили в паланкин, а перед самым отъездом влили в глотку целый кувшин вина. Вино оказалось оленьей кровью, горячительным и возбуждающим. Не успел я и минуты пролежать в паланкине, как всё тело разгорелось, кровь вскипела, и меня затрясло.

После отречения я жил в уединении, давно уже воздерживаясь от утех. Не выдержав, я запустил руку в исподнее и принялся медленно себя ласкать. Но хмель ударил в голову, да и болезнь сказывалась — даже на это не хватало сил. Дрожащие, слабые пальцы долго мяли кончик члена, но облегчения не наступало, лишь жар разгорался всё сильнее.

Я закусил рукав, терзаемый стыдом и яростью. Решил было позвать служанку, чтобы утолить огонь, откинул занавеску паланкина — хотел оценить, как далеко до Павильона Юсы. Но, взглянув на улицу, понял: путь лежит вовсе не туда.

Сердце ёкнуло. Я сипло крикнул носильщикам:

— Сбились с дороги! Куда вы меня несёте?

— Ваше Величество, мы направляемся в покои императора.

— Как вы смеете... Везите меня обратно! — ухватившись за занавеску, я пошатнулся и вывалился из паланкина на ледяной, инеем покрытый камень. В глазах потемнело, сознание поплыло. Внезапно послышался стук копыт, приближающийся со стороны. С трудом приподняв веки, я увидел всадника, который вихрем налетел на нас, резко осадил коня и спрыгнул на землю. Жёсткие подошвы сапог отчётливо и холодно застучали по камню. Человек подошёл, наклонился, схватил и поднял меня на руки.

— Пя-пятый принц!

— Кто посмеет его увести?

Услышав этот грубый, ломающийся юношеский голос, я обмяк и потерял сознание.

В полудрёме спина коснулась ложа, в нос ударил знакомый запах сандала. Вокруг было повесенному тепло, казалось, я в своих покоях. В полумраке кто-то держал меня за лодыжку, стаскивая сапоги. Сознание путалось, я не понимал, явь это или сон. Жар внизу живота становился нестерпимым. По привычке я протянул руку, ухватил рукав человека рядом и невнятно пробормотал:

— Лян Шэн, иди сюда.

Лян Шэн был моим любимым евнухом. Я навещал его чаще, чем любую из наложниц. Тело его, хоть и не женское, было стройным и тонким, но в постели он умел угодить, всегда позволяя мне проявить мужскую силу, — куда интереснее робких и нежных наложниц. Жаль, не женщина, не мог подарить наследника. Иначе я бы непременно даровал ему титул наложницы.

Человек рядом замер, прекратив стаскивать сапог. На мгновение воцарилась тишина, лишь его дыхание, неровное, словно пламя, колеблемое мотыльком. А мой внутренний огонь разгорался всё сильнее. Нетерпеливо дёрнув его за рукав, я прохрипел:

— Лян Шэн, я сказал, иди сюда. Сколько раз повторять? Раздень меня, жарко...

Я бормотал, пьяный и бессвязный, пытаюсь приподняться. В мерцающем свете свечи перед глазами плясали три размытых силуэта. Лица я не различал, но был уверен — это Лян Шэн. Тот самый Лян Шэн, что сгорел по приказу Сяо Ланя вместе с моими наложницами. Тот, что с тех пор, как я взошёл на престол, снимал с меня сапоги и раздевал перед сном. Тот, что подавал ночной горшок, когда я вставал среди ночи.

— Лян Шэн... Лян Шэн, я... как же я по тебе скучал.

Императоры слывут бессердечными, но я действительно тосковал по Лян Шэну.

Я схватил его за запястье, но он резко вырвался, отступил и принялся стаскивать второй сапог. Моя ступня оказалась в его ладони — горячей, обжигающей, словно тающий снег.

— Зачем держишь меня за ногу? Хочешь, чтобы я пнул? — сбивчиво усмехнулся я, ткнув его ногой в грудь. — Маленький Шэн, ну же, раздевайся и садись на меня. Неужели я должен учить тебя, как это делается?

Человек стоял недвижимо, будто вглядываясь в меня, его длинные костлявые пальцы не отпускали мою лодыжку.

— Маленький Шэн, если будешь медлить, я разозлюсь, — выдохнул я, едва дыша. Член стоял колом, причиняя муку. Я сам принялся расстёгивать одежду, но пуговицы на груди оказались хитроумными и тугими. Пальцы не слушались, и, промучившись, я лишь задрал подол до пояса и принялся стаскивать шёлковые исподние штаны. Зрелище было неподобающим — император не должен раздеваться сам. Но Лян Шэн стоял как вкопанный.

Унижение и ярость подхлестнули меня. Я из последних сил приподнялся, ухватил его за пояс и рванул на ложе. Он не ожидал, рухнул на меня, но застыл в нерешительности, не пытаюсь, как прежде, игриво меня поддеть. Лишь дыхание его становилось всё чаще, грудь вздымалась, а жар тела лишь подливал масла в огонь. Я втянул носом его запах — молодой, животный пот, смешанный с густым мускусом, будто от самца в первую брачную пору. Такой аромат не мог исходить от евнуха. Но сознание мое было слишком спутано, чтобы в этом сомневаться. Чем больше я вдыхал, тем сильнее пересыхало в горле.

— Сними с меня эту проклятую одежду и выбрось! — рявкнул я.

Лян Шэн наконец зашевелился, принявшись расстёгивать пуговицы. Пальцы его дрожали, он долго возился, прежде чем разодрать мой ворот. Его раскалённые пальцы едва коснулись вспотевшей груди — будто искра ударила. Я вздрогнул, невольно издав хриплый стон. Взглянув вниз, увидел: на фоне кроваво-красного театрального наряда кожа груди казалась ослепительно белой, а набухшие соски выпирали сквозь промокшую шёлковую рубашку, натирая и причиняя неудобство. Я недовольно хмуро крякнул:

— Продолжай. Чего ждёшь?

Лян Шэн ухватил мою рубашку и сорвал её. Жар немного отступил с испариной.

— Живей.

Я запрокинул голову, закрыл глаза и ждал, когда Лян Шэн сядет на меня сверху. Но вместо этого внизу живота всё сжалось — его обжигающая ладонь обхватила мой член. Я вздрогнул. Лян Шэн не снял с меня штаны, а принялся ласкать рукой. Я не успел рассердиться, как почувствовал, как он неумело, но с силой начал двигать кистью. Грубые мозоли на его ладони сквозь тонкий шёлк терлись о налившийся кровью кончик, и наслаждение мгновенно разлилось по низу живота диким пожаром, от которого кровь закипела, а всё тело затряслось в мелкой дрожи.

Я задышал часто, подогнул ноги, невольно выгнул ступни, вцепившись пальцами в одеяло, словно загнанный зверь. В глазах потемнело, в горле резко кольнуло — Лян Шэн впился зубами в кадык, острота клыков скользила по коже, будто пробуя на вкус, испытывая. В голове мелькнул образ волка из сна. Я оттолкнул его, прошипев сквозь зубы:

— Наглец! Как ты смеешь!

Лян Шэн, кажется, испугался, мгновенно разжал челюсти и откатился с ложа. Но едва он отпустил, я затрясся и извергся, заливая исподние штаны. Семя потекло по внутренней стороне бёдер, пачкая постель.

Тело моё было крайне слабым. После извержения наступило полное изнеможение, не осталось ни капли сил. Я лишь успел пробормотать: «Принеси воды, обмой меня», — и погрузился в глубокий сон.

Проснулся я уже за полдень.

Я был в Павильоне Юсы, лежал на своём ложе. Поднявшись, почувствовал, как голова раскалывается, во рту стоит перегар, а в желудке подкатывает тошнота. С трудом вспомнил вчерашнее унижение в Павильоне Фухуа и как меня насильно понесли в покои Сяо Ланя. Но что случилось после того, как я вывалился из паланкина и потерял сознание, всплыть в памяти не могло.

Я откинул одеяло и осмотрелся. На мне была чистая ночная рубашка, а не театральный наряд. Поднявшись, не почувствовал ничего необычного. С облегчением вздохнув, я позвал евнухов, чтобы они подали воды для мытья, помогли одеться и принесли завтрак.

<http://bllate.org/book/15952/1426271>